

6 (19) апреля

Священномученики
Иаков и Иоанн Бойковы

Священномученик Иаков родился 8 июня 1896 года в городе Бежецке Тверской губернии в семье священника Покровской тюремной церкви города Бежецка Иакова Ивановича и его супруги Александры Васильевны Бойковых. С детства любимым занятием его было чтение духовных книг, а любимой игрой – «игра в храм». На чердаке дома он оборудовал себе небольшую библиотеку и устроил «церковь»: повесил иконы, колокольчики и утром, когда наступало время службы, звонил. Все окружающие думали, что мальчик посвятит свою жизнь сугубо служению Богу, и скорее всего в монашеском звании, и, когда он впоследствии женился, были весьма удивлены. В 1911 году Яков окончил Бежецкое духовное училище, в 1917-м – Тверскую Духовную семинарию и в том же году поступил в Московскую Духовную академию.

Яков Бойков. Тверская Духовная семинария

Яков успешно окончил первый курс академии, но в 1918 году, учась на втором курсе, он столкнулся с непреодолимыми для себя трудностями – негде было жить и не было средств на покупку продуктов, и он вернулся в Бежецк и поселился у сестры. Но он не терял надежды на продолжение образования и в 1919 году выслал в академию семестровое сочинение на тему «Христианская любовь и аскетизм». Вскоре, однако, всякая возможность на получение образования в академии была безбожными властями пресечена, и Яков

Яковлевич поступил преподавателем в бежецкое реальное училище. Он проработал здесь два года и был уволен как сын священника и потому, что не скрывал своих взглядов – какой он видит окружающую жизнь. Преследования, увольнения и всякого рода гонения только укрепляют в человеке веру, дают духовный опыт и наглядно являют благие деяния милующей руки Божией. И во время гонений на Русскую Православную Церковь Яков Яковлевич твердо решил стать пастырем и в этом звании послужить своему народу. Незадолго перед принятием сана он женился на выпускнице епархиального училища, которая работала в советской школе учительницей. Став женой будущего священника, она потеряла все свое, и без того шаткое, материальное благополучие.

В 1923 году Яков Яковлевич был рукоположен во священника ко храму святой великомученицы Екатерины в селе Закрупье Бежецкого уезда, где он прослужил до 1930 года, когда переехал в Бежецк. Но в Бежецке вакантных священнических мест не было, и отец Иаков уехал в село Кириловское Максатихинского района, где прослужил два года. Затем открылась вакансия на место священника в Благовещенской церкви в селе Княжеве недалеко от Бежецка, и отец Иаков стал служить там. В Княжеве он служил до 1938 года. Здесь ему пришлось пережить непрекращающиеся гонения тридцатых годов. Там, где власти не арестовывали священника, они нарочито облагали его и его семью заведомо непосильными и вызывающе незаконными налогами, вынуждая покинуть приход. Священникам в те годы приходилось тяжелее, чем их прихожанам-крестьянам. Жена отца Иакова не раз говорила ему:

– Яков, бросай ты служить в церкви, уходи, ведь мы только и делаем, что налоги платим, хуже нищих живем.

– Я сана с себя никогда не сниму, – отвечал на жалобные причитания жены священник, – никогда не стану предателем Церкви.

В 1937-1938 годах были арестованы, за единичными исключениями, все священники области. В Бежецке арест миновал только одного священника, которому исполнилось тогда семьдесят девять лет.

Священник Иаков Бойков. 1937 год

5 февраля 1938 года секретный сотрудник по кличке Килограмм составил донесение в НКВД на отца Иакова: «Бойков Яков Яковлевич, священник села Княжева, говорил следующее: “Какое угнетение видят наши граждане, это насилие над верующими! Конституция говорит совсем иное... а делают совсем по-другому; как духовенство, так и всех религиозных людей угнетают... мы, верующие, будем ждать того времени, когда наших коммунистов будут вычищать от православных людей, а самого Сталина, как худого подзаборного жителя, увезут в Грузию, откуда он и приехал, как антихрист, для угнетения всех верующих людей”. Относительно выборов в Верховный Совет гражданин Бойков говорил следующее: “Прошли выборы, и для чего все это? Это только сами коммунисты опять выбрали себя, и как ни считаешь газету, все только и пишут, что выбирали все, а на самом деле ложь. За границей над этими выборами только смеются... там также знают, что в Верховный Совет СССР прошли подонки общества, грабители и насильники, как мы всех коммунистов называем втайне”».

Чаще всего такого рода «сведения» были выдумкой самого осведомителя, но во время массового террора их никогда не проверяли. Они тем и хороши были для НКВД, что не нужно было проверять их достоверность. Сотрудник НКВД даже и сам мог подсказать осведомителю, какого рода «сообщения» требовались. Через три дня после доноса был выписан ордер на арест священника.

В эти несколько лет перед арестом отец Иаков подолгу и усердно молился, чаще всего ночью. Затепливал перед иконами в святом углу лампады, раскрывал на аналое книгу и начинал молиться словами святых праведников и подвижников. В час ночи с 8-го на 9 февраля 1938 года раздался стук в дверь – это пришли сотрудники НКВД с понатыми – соседями, жившими в том же доме, производить обыск. Вся обстановка дома священника свидетельствовала, что ничего ценного они здесь не найдут. И сотрудник НКВД открыв крышку аналая, лениво порылся в лежавших там церковных книгах, крышку закрыл, и на этом обыск закончился. Отец Иаков простился с женой и дочерью и в сопровождении конвоя покинул дом навсегда. Жена священника несколько раз ходила в тюрьму в Бежецке и хлопотала, чтобы дали свидание, но ей отказали.

Сразу же после ареста, 9 февраля, следователь допросил отца Иакова.

– Расскажите, гражданин Бойков, о своем прошлом как до революции, так и после.

– До 1917 года я учился... получив среднее образование, стал учительствовать в городе Бежецке.

– Когда вы были лишены избирательных прав?

– В момент, когда я стал священником, то есть в 1923 году.

– Расскажите, кем, когда и за что вы были судимы.

– Судим я никогда не был. В 1935 году архиепископом Фаддеем* было дано указание о том, чтобы мы регистрировали на местах случаи рождений и смертей, что мною и делалось. Но после об этом стало известно органам НКВД, и я в 1935 году был привлечен к ответственности за незаконную регистрацию актов гражданского состояния, но дело было прекращено.

– Расскажите, для какой цели вам было дано задание от архиепископа Фаддея собирать сведения об актах гражданского состояния?

---

* Священномученик Фаддей (в миру Иван Васильевич Успенский), архиепископ Тверской; память празднуется 18/31 декабря.

– Сведения о рождениях и смертях я записывал в церкви примерно с год, после чего тетрадь с записями у меня была отобрана Бежецким НКВД. Сведения мы собирали только для церковных надобностей, для поминовения погребенных.

– Расскажите о вашей контрреволюционной агитации против партии и советской власти.

– Контрреволюционной агитации против партии и советской власти я никогда и нигде не проводил и виновным себя в этом не признаю.

– Следствие располагает данными, что вы, будучи враждебно настроены против партии и советской власти, среди населения вели антисоветскую агитацию, направленную на срыв проводимых советским правительством мероприятий, высказывали недовольство существующим строем и восхваляли жизнь при царе. Скажите, признаете ли вы это?

– Виновным себя в проводимой контрреволюционной агитации против партии и советской власти не признаю.

Допросы продолжились и на следующий день.

– Следствие не удовлетворено вашими показаниями, данными 9 февраля. В деле имеются материалы, уличающие вас в проводимой антисоветской агитации против партии и советской власти; требую ваших правдивых показаний! – заявил следователь.

– Я подтверждаю свои показания, данные мною 9 февраля, о том, что антисоветской агитации против партии и советской власти я не проводил и виновным в этом себя признать не могу.

– Следствие настаивает на даче правдивых показаний о вашей контрреволюционной агитации против партии и советской власти. Расскажите по существу заданного вопроса.

– Вторично отрицаю. Контрреволюционной агитации против партии и советской власти я не проводил, виновным себя в этом не признаю.

После того как священник отверг все возводимые на него обвинения, были вызваны и допрошены «дежурные свидетели», в том числе и осведомители. Один из них показал: «В июне 1937 года на базарной площади Бойков среди колхозников говорил: “Вот какая жизнь пришла. Церкви закрыли и разломали, религию притесняют, священников в тюрьмы сажают, а в колхозах что делается: колхозников голодом морят, все у них отбирают, что ни заработают, государству везут – а у коммунистов все ничего нет: денег сколько от займов собирают, куда только девается все”. В августе, числа точно не помню, при встрече со мной Бойков в отношении конституции говорил: “Что дала эта новая конституция народу? – ничего, это пустая бумажка, по которой большевики рабочих да колхозников обирают; это не свободная жизнь, а хуже крепостного строя, по этой конституции додушат большевики народ разными налогами”. По вопросу проводившихся выборов в Верховный Совет СССР говорил: “Ну прошли выборы. Коммунисты выбрали самих себя... За границей над этими выборами только смеются”. На базаре города Бежецка среди колхозников Бойков предсказывал о предстоящем голоде в деревне, говорил, что скоро наступит сильный голод, это предсказывает Библия, – да и как не быть: коммунисты нарочно до этого доводят, чтобы с голоду все умирали, колхозники и так уже голодные сидят, а с них еще берут хлеб и другие продукты, а им самим есть нечего и голые ходят».

Все следствие продолжалось два дня, 9-го и 10 февраля, и уже 10 февраля было составлено обвинительное заключение. 13 февраля 1938 года тройка НКВД

приговорила священника к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, и он был сослан в Екатеринбургскую область.

Из лагеря отец Иаков писал жене и дочери:

«6.06.1938.

Дорогие мои и горячо любимые Маня и Верочка!

Я пока жив и здоров. Кашель стал меньше. Сапоги отдал на хранение одному верному человеку, а хожу на работу в лаптях. Кормят нас довольно прилично. Ударникам три блюда: щи или суп, рыбные большей частью, каша, макароны или горох. (Ударниками считаются заключенные, перевыполнившие норму работы и получающие кило хлеба в день.) Я целую неделю не выхожу из ударных и хлебом стал богат, так что половина сухарей тети Оли цела. Писал я тебе, что перевели меня в бригаду слабосильных. Ничего из этого не вышло. Потому что “слабосильным” предложили вместо легкой – ту же тяжелую работу, а когда они отказались ее выполнять, дали триста граммов хлеба и штрафной обед. Меня возвратили в прежнюю бригаду и, следовательно, на прежнюю работу: погрузку вагонов, окатку бревен, работу на лесопилке и прочее.

Желал бы я видеться с вами, но воля не своя, а Божия, творимая руками человеческими. Не знаю и увижусь ли с вами. Иногда очень тоскую и скорблю. Помолитесь за меня, чтобы не впасть мне в отчаяние. Инвалидность моя увеличивает мое несчастье. Кажется, глухота от нервного потрясения и непривычной обстановки еще больше усилилась... Не слышали ли, не возвратился ли кто из духовенства и граждан? Цела ли в Княжеве церковь или уже закрыли?

Ваш горячо любящий иерей Иаков Бойков

13.12.1938.

Дорогие мои и горячо любимые Маня и Верочка!

Я писал вам из сангородка... и с 1-го участка... Получили ли вы эти письма? Теперь пишу третье письмо. Если получили последнее мое письмо, то уже знаете, что в моем положении произошла существенная перемена. Я переведен 30 ноября на 1-й участок и послан на тяжелые работы. Поработал я с бригадой здесь один день на разгрузке леса и, видя, что работа совершенно не по моим силам, пошел к врачу. В амбулатории очень удивились, что меня перевели из сангородка, и от тяжелых работ уволили, переведя на легкие работы в зоне, но бумажки особой на этот счет опять не дали, и из этого вышли для меня неприятные недоразумения с бригадиром и подрядчиком, которые стали считать меня “злостным отказчиком” от работы. Стал я искать легкой работы дневального, сушильщика и т. п., но нигде не нашел. Везде оказалось достаточно инвалидов и людей, непригодных к работе. Подавал заявление в “УРБ” (так называется “Управление рабочих бригад”), что я не способен к тяжелой работе, – результатов никаких. Заявил коменданту – тот сначала было пообещал, а потом сказал, что все места заняты. Такое мое неопределенное положение продолжается и до сих пор, не знаю, чем оно кончится. Летом я работал через силу, с большим напряжением и три раза болел, а зимой – совсем не работник. Много-много я поработаю дня три-четыре и потом заболею. В бригадах здесь на 1-м участке народ отборно здоровый, но и те часто хворают, а при наступивших холодах многие поморозились: кто отморозил нос, кто пальцы. Здесь наступили сильные холода с 8 декабря. Морозы с ветром до 38–40. Я пока помещаюсь в бараке, отопляется он хорошо, но все же ночами бывает прохладно, так как зимние рамы не везде вставлены, – барак новый. Спал половину недели на полу

около печки и лишь вчера получил место на нарах, но, пожалуй, около печки-то было теплее, от грязи и холода с пола я подкладывал две доски на поленьях.

Здоровье мое сейчас неважное, насморк и кашель, и кроме того, болят ноги. В сангородке приходилось работать в холодной обуви, должно быть, застудил, а может быть, простудил их в бане.

Обо мне особенно не беспокойтесь и не тревожьтесь: очевидно уже окончательно: я – “отрезанный ломоть”. Хлеба дают мне очень немного – только четыреста граммов; хорошо, что скопилось немножко деньжонок и можно прикупить в ларьке, а то бы я сильно голодал.

В предыдущем письме писал я, что при отправке из сангородка, которая для меня была неожиданной, второпях оставил я кое-какие вещи. Это жестяная банка из-под масла и несколько маленьких мешочков. Их скопилось у меня достаточно. На 1-м участке у меня украли хлебный паек, кружку и ложку (все было в одном мешочке в головах). Ложку я купил, а кружку пока заменил банкой стеклянной из-под варенья, присланного летом. Сундучок пока цел и тем дорог...

23.12.1938.

Дорогие мои и горячо любимые Маня и Верочка!

Поздравляю вас с наступающими праздниками Рождества и Нового года, желаю благополучия и успеха во всех делах ваших. Сегодня, 23 декабря, получил, Маня, твое письмо, посланное 8 декабря. Здесь оно получено, судя по штемпелю, 15 декабря, а до меня дошло только теперь вот – 23 декабря, и в самую для меня необходимую минуту. Ты просишь писать тебе всю правду. В прошлом письме сообщал, что у меня болят ноги. Болезнь вот такая: ноги начинают припухать и краснеть, потом появляются небольшие нарывчики, они прорываются, и на их месте появляется короста. Так было у меня на обеих ногах. Потом стало проходить. Вдруг заболела левая нога, ниже колена. Появилась опухоль; 16, 17, 18 и 19 декабря был у меня сильный жар до 39 градусов. А затем нарыв прорвался, и вытекло много материи. Оказалось – флегмона левой ноги. Теперь она проходит, и вот другая беда: украли теплую обувь. Боюсь, не застудить бы опять ноги. Прости меня, родная моя, с болезнью и со всеми неприятностями (а их у меня немало) я стал совсем какой-то растерянный, а ворьё, которым набита каторга, пользуется этим моим беспомощным состоянием. Я знаю, что тебе теперь нечем взяться “огоревать” мне теплую обувь. Прости, прости меня, что я тебя тревожу, когда ты сама и больна и в нужде. Ужасно боюсь, не погибли бы мы оба, на кого тогда останется Вера? На всякий случай я вкладываю записку насчет сапог тете Оле. Если уж она откажется – тогда попроси крестную. По случаю болезни я теперь вот уже вторую неделю освобожден от всяких работ. А кончится болезнь – буду проситься на легкие работы. Думаю, что как-нибудь устроюсь с помощью добрых людей.

Горячо любящий вас иерей Иаков Бойков

29.12.1938.

Дорогие и горячо любимые Маня и Верочка!

Не хотел было писать вам, вернее сказать, огорчать вас своими письмами, да ничего не сделаешь. Я писал вам о своих злоключениях на 1-м пункте. Это будет четвертое письмо, на которое буду ждать ответа. В предыдущем письме от 23 декабря я сообщал, что у меня украли теплые сапоги. Теперь меня на днях раздели самым наглым образом. Дело было так: 27 декабря назначили меня

помощником дневального в барак, где сосредоточена была одна шпана и бандиты. Я был рад месту, перетащил туда свои пожитки и принялся за работу, но не прошло и двух часов, как дневальство окончилось самым плачевным образом. Как только стало смеркаться, я ненадолго прилег. И в это время успели у меня взломать сундук и выкрали из него чулки нитяные, две рубахи чистые, брюки летние, бумагу, карандаши, нитки, иголки, мыло банное, сахар, пуговицы. Остальное, должно быть, не успели, так как я скоро встал. Пока я возился со взломанным сундуком, у меня на глазах бандиты вытащили мешок с вещами, унесли его на верхние нары и там обработали. Мне выкинули пустой мешок. Выкрали казенные брюки, казенную гимнастерку, пару казенного белья, своего белья, две рубахи – словом, все белье. Осталось только то, что на себе, и все это с наглым смехом и издевательствами. Собрал я все, что осталось после этого грабежа, и пошел из барака вон. Заявлял коменданту и другому начальству (в это время как раз была поверка), писал заявление начальнику лагерного пункта, но все безрезультатно. Бандиты ходят по лагерю с финками и безнаказанно воруют и грабят. Поместили пока в прежнем бараке, где и был. По распоряжению коменданта дали там место. И здесь на следующий день выкрали из-под головы шарф. И тут имеются воры (они у меня и теперь сапоги выкрали). Вот мое плачевное житье. Плохо то, что украли порядочно казенных вещей. Теперь уже не дадут ни белья, ни прочего, а будут вычитать за “промот” из моих денег. Бумагу чистую всю выкрали, карандаши, иголки, нитки, пуговицы. Во всем этом нужда у меня. Банку мятую, из которой кипяток пил, и ту унесли. Пришлите взамен какую-нибудь банку стеклянную из-под консервов. Вот мои печальные новости. В течение какой-нибудь недели меня разули и раздели. От работы пока освобожден...

28.07.1939. 2-й лагпункт Сулага.

Дорогая, милая Маня!

Твое письмо, посланное 30 июня, я сподобился получить лишь 19 июля. Вот какова наша переписка, точно бы с Луны на Юпитер! Ну, что делать? Очень опечалило меня твое письмо. Сердечная болезнь у тебя не только от расстройства в связи со всеми историями, но еще от недоедания и нужды. Плохо питаешься – оттого малокровие и упадок сил и слабость. Мой совет: не жалея вещей, какие можно продать, продавай и не мори себя голодом. Вещи хранить теперь, пожалуй, не стоит: они одна обуза. О посылках мне не беспокойся. Как-нибудь проживу и без них. Да и какая может идти речь о посылках, когда сама едва не ходишь по миру. Что касается меня, то я уже сообщал вам, что сейчас работаю в лаптежной мастерской, плету лапти. Работа считается легкой, на нее направляют больных и инвалидов, но для меня она утомительна, так как норма высокая – четыре пары лаптей в сутки, а меньше наплетешь, тогда убавляют хлеба паек. Вчера, то есть 27 июля, получил ответ от прокурора Калининской области по спецделам на жалобу, поданную мной в апреле в Президиум Верховного Совета. Ответ неутешительный. Оказывается, я “осужден правильно”. И жалоба моя оставлена “без удовлетворения”. Впрочем, спасибо хоть и за то, что ответили. Прошлогодня жалоба оставлена совсем без ответа. Вот, больше жаловаться некому и некуда писать. Остается терпеть и ждать смерти. Мое здоровье плохое, но еще жив. Подробно свою жизнь здешнюю не описываю – одна скука и страдание. Пока прощай, дорогая Маня, поправляйся, буду ждать от тебя писем.

Любящий тебя иерей Иаков Бойков

31.08.1939.

Дорогая Маня!

Что написать тебе о себе? Пока жив и относительно здоров, то есть нет нарывов, сильных болей в боку и прочего. Побаливают только руки от постоянного напряжения. Работаю пока в лаптежной мастерской. Норму – четыре пары лаптей – вырабатываю. Работа спокойная и не такая трудная, но работать приходится целый день, так как быстро плести еще не научился. Хорошо то, что не вижу бандитства, не слышу матерщины и грубых окриков, того, что неизменно и неизбежно было и есть на всякой общей работе в лесу, на погрузке. Здесь, в лаптежной бригаде, народ все подобрался порядочный, нет ни воров, ни бандитов, ни хулиганов. Слышу, пожалуй, теперь не лучше отца Сергия. Впрочем, думаю, что с переменой образа жизни слух исправился бы, если немного полечиться. С 5 августа здесь наступили холода. Погода пасмурная, с частыми дождями и утренниками. Временное это похолодание или северная осень показывает свои когти, увидим в ближайшем будущем. Что написать тебе, дорогая Маня, о твоих терзаниях и лишениях? Страдаю и скорблю душой, и помочь бессилён. Соображения твои относительно неудобства учительской должности в районе верны. Тогда придется понастойчивее просить о постоянном месте, хотя бы на сто–сто пятьдесят рублей жалованья. Может быть, как-нибудь устроишься и в городе. Не нужно только слишком расстраиваться. Господь дал нам крест. Он же даст и силы нести его. Пока прощай, моя дорогая Маня. Не тревожь особенно свое сердце нашими невзгодами. Господь “глубиною мудрости” все устраивает к лучшему, и будем надеяться на лучшее. Пиши и не забывай меня. Я знаю, что мне достается “на лапти”. Ну, что делать. Я продолжаю оставаться тем, что есть.

Горячо любящий тебя, твой иерей Иаков Бойков

Дорогая дочь Вера!

Я обещал написать тебе ответ на твое письмишко, которое ты, кстати, забыла отослать, и прислала его мама. Я живу по-прежнему во 2-м лагерном пункте Североуральского лагеря. Работаю в лаптежной бригаде. Народ в этой бригаде – интернационал: туркмены, китайцы, есть еврей, поляк, монгол и пр. Впрочем, все люди порядочные. С утра после убогого туалета начинаю готовить лыко, причем вспоминается тети Машино присловье: “Владыко, посади попа на лыко...” Затем начинаю плести лапти и плету до тех пор, пока не наплету четыре пары, то есть часов до восьми вечера. Здесь плетут лапти четырех сортов – русские, чувашские, американские (очень изящные) и туфли. Американские лапти – специальность китайцев, а туфельки из узкого и мелкого лыка плетут все, кто умеет. Я пока умею плести только русские лапти. Нового и хорошего, конечно, ничего у нас нет. Тюрьма всегда остается тюрьмой. Читала “Записки из мертвого дома”? Изменений относительно немного. Пока прощай, милая Верушенька. Пиши мне.

Горячо любящий тебя папа

8.05.1940. 1-й лагпункт.

Дорогие Маня и Верочка!

Будьте здоровы и благополучны! Очень нехорошо, что ты все остаешься без постоянной работы. Судьба действительно все бьет и гонит нас. Но, может быть, когда-нибудь и миром повернется.

Вере желаю успехов в предстоящих испытаниях и, главное, здоровья и сил. Поддержать ее действительно нужно. Что касается горя и нужды, навязанного сиротства, то таких сирот в настоящее время сотни тысяч!

Что касается меня, то я пока нахожусь все на 1-м пункте. Работа разная: то бревна чистить на лесном складе, то приводить в порядок лесобиржу и пр. Трудности особой в работе нет, но при слабости сил и отсутствии здоровья и эта работа утомляет. Спасибо, что посылаете посылочки. Без них мне было бы трудно.

В адресе моем некоторое изменение. Предлагают теперь писать: Станция Азонка ж/д им. Кагановича, Свердловская обл., почт. отд. 239/5.

Иерей Иаков Бойков

Р. С. Сундучка у меня теперь нет, и я о нем не горюю. Очень многих бандитов он вводил в соблазн. А была в нем одна дрянь.

14.06.1940. 1-й лагпункт.

Дорогие мои, родные Маня и Верочка!

Будьте здоровы и благополучны! Маня, поздравляю тебя с днем твоего Ангела, желаю здоровья и душевного спокойствия, благополучия и успехов во всех делах. Милую дочь Верочку поздравляю с именинницей и с успешным переходом в 9-й класс (я в этом не сомневаюсь, хотя известий от вас еще не было об этом). Сердцем измученным я с вами.

В Азонке на лесобирже работы очень много по разделке и погрузке лесного материала. Итак, я еще пока нахожусь на 1-м лагпункте. В жизни моей отрадного очень мало. 3 июня получил ответ на третью жалобу, поданную в январе сего года прокурору РСФСР. Ответ от помощника Калининского прокурора по спецделам от 21 мая: "за отсутствием оснований, отказано". Впрочем, я этого и ожидал. По совету одного человека, интеллигентного и ставшего мне близким (бывшего коммуниста), подаю жалобу в четвертый раз начальнику 1-го спецотдела НКВД. Буду просить справедливости, пока жив. Интересно, получила ли ты, Маня, какой-либо ответ на свое заявление. Вероятно, тоже отказ, а вы мне не пишете.

Пишешь ты относительно Веры, что надо ей отдохнуть и поправиться нынешним летом. Мне вас бесконечно жаль. Может быть, был бы я дома, то принес бы какую-нибудь пользу. Но вот, как видите, жестокости и несправедливости человеческой нет конца. И страдаю не я один. Как удивительны судьбы Божии!

Томятся в лагерях по 58-й статье старые, заслуженные с 1905 года революционеры. Один, уникал в своем роде, старик – участник восстания на броненосце "Потемкин", другой – царский смертник (за участие в революции 1905 года был приговорен к смертной казни), и прочие. А теперь признаны "контриками"!

Погода здесь установилась теплая очень недавно, недели две тому назад. Теперь только распустились листья на деревьях и цветет черемуха, а то все были дожди, снег и холод.

Пишите мне о своем житье-бытье. Получаете ли вы мои письма? И с марками ли? Я каждый раз наклеиваю марку. Спрашиваю потому, что имею некоторые сомнения. Нужда у меня в бумаге писчей и в конвертах. Пока прощай.

Горячо любящий иерей Иаков Бойков».

В своей жалобе начальнику 1-го спецотдела НКВД отец Иаков писал: «Гражданин начальник 1-го спецотдела, обращаюсь к вам и прошу Вас рассмотреть мое дело, так как арестован я, за что – не знаю, и никакой вины не чувствую за собой. Я не виноват, преступной деятельности у меня нет, а поэтому объясняю вам по существу своего дела:

1) 8 февраля 1938 года я был арестован органами НКВД в городе Бежецке. Следственными органами мне предъявлены агитация, дискредитация членов правительства и еще что-то о конституции, что я не понял из-за глухоты и сильного расстройств.

2) Не совершив столь тяжелого преступления, я не мог дать следователю никаких показаний по существу предъявленного мне обвинения.

Поэтому на все поставленные мне следователем вопросы по существу обвинения я дал только отрицательные ответы.

Протокол допроса и моих ответов я подписал сам, его прочитав, где виновность свою я отрицал, ибо это обвинение меня не касается.

3) Не совершив никакого преступления перед советской властью, я терзаюсь одной мыслью, что поводом для ареста явилось то, что я служил до дня ареста священником. Но может ли в этом предъявленном обвинении быть моя вина? – конечно нет: я незаметный, безвредный человек.

На следствии мне не были указаны ни лица, ни факты, которые подтвердили бы мою какую-либо преступную деятельность. Да их и не могло быть, так как я не совершил никакого преступления перед общественностью Советского Союза, а также тем паче перед партией и правительством.

Однако, несмотря на это, постановлением спецтройки НКВД города Бежецка Калининской области я осужден к исправительно-трудовым лагерям сроком на десять лет по статье 58, пункт 10. А за что? Я так и не знаю до сих пор.

Всякое наказание является средством исправления для наказанного человека, который осознает, за что отбывает наказание.

Но, не совершив преступления, нести столь тяжкое наказание, тем более в условиях советской действительности, – недопустимое явление.

Это может случиться только в результате нежелания следователя своевременно установить степень моей виновности или невиновности.

Гражданин начальник 1-го спецотдела НКВД, я прошу Вас пересмотреть мое дело, так как нижестоящие инстанции мне отказали.

Я не виновен, выше я изложил суть своего дела. Прошу Вас вынести свое справедливое решение по пересмотру моего судебного дела.

Мне, полному инвалиду, нести столь тяжкое и незаслуженное наказание – невыносимая мука. Здоровье сейчас резко ухудшилось.

Родился я в городе Бежецке в 1896 году. Никогда не судим и под следствием не был, женат, имею семью, служил священником последние годы до ареста здесь же, в городе Бежецке, и в селе в одном километре от Бежецка.

Следствие вел следователь Елин. С решением спецтройки не согласен и с ответами из области об отказах.

Я еще раз прошу Вас обратить внимание на несправедливо вынесенный мне срок и наказание. Я не преступник!!! И прошу справедливого пересмотра моего дела. О чем и прошу, не откажите в моей просьбе; старость и болезнь прошу учесть при разборе дела, а также мою семью».

11 сентября 1940 года сотрудник следственной части НКВД по Калининской области постановил: «Решение тройки НКВД по Калининской области от

13 февраля 1938 года по делу на Бойкова Якова Яковлевича оставить в силе, о чем через 1-й спецотдел сообщить заявителю».

«Сарапулка 2-й лагпункт Североуральских лагерей. 2.01.1941.

Дорогие и горячо любимые Маня и Верочка!

Очень я был обрадован, получив 15 декабря ваше письмо, на котором рукою Верочки проставлена дата – 29 ноября. Ответить имею возможность только теперь, так как последнее письмо к вам отправлено в последних числах декабря прошлого года. Прежде всего, поздравляю вас с праздником и с Новым годом. Да хранит вас Господь и поможет на всех трудных путях вашей жизни!

Вот нехорошо, что ты перегружена работой. При твоём хилом здоровье это меня очень беспокоит. Несомненно, был бы я дома, я бы помог тебе по хозяйству и в доме. Вот, спасибо, и Вера приглашает “кушать картошку”. К сожалению, это от меня не зависит, и когда я увижусь с вами, и увижусь ли – неизвестно. Доказывать свою невиновность, писать заявления и жалобы – бесцельно.

Верочка! Спасибо за письмецо. Особенно не утруждай себя занятиями. Здоровье дороже всего. Неприятно, что теперь приходится платить за образование, но бросить учиться из-за этого нельзя. Как-нибудь нужно кончать, а там будет видно.

О себе напишу, что пока жив, по милости Божьей. Нахожусь все там же, и работа прежняя – плетение лаптей. Работа сама по себе незатруднительная, но плохо то, что приходится работать в холодном помещении. И сами очень зябнем, и продукция, то есть лапти, выходят неважные из-за мерзлого лыка. Нового в моей жизни ничего нет. Здоровье прежнее, но глухота, кажется, прогрессирует. Пишите, не забывайте. Получили ли мое письмо (50-е), посланное 10 декабря? Пока прощайте.

Горячо любящий церей Иаков Бойков

1942. Августа 24-го дня.

Дорогие родные мама, Маня, Верочка и сестра Нюта!

Пишу вам это письмо, как говорится, наобум и на риск, в совершенной неуверенности, что оно попадет в ваши руки в переживаемое время. О себе сообщаю, что я, по милости Божьей, жив и здоров. Нахожусь там же, где и был. В моем положении особенных изменений нет. Писем от вас я не получал уже более года (с мая 1941 года) и не знаю, как вы живы и здоровы и где находитесь. Сам не писал потому, что не принимали писем, а когда стали принимать – послал в ноябре 1941 года открытку, но ответа не получил. Объяснял себе это современной обстановкой жизни. Но вот на днях мой земляк из города Бежецка получает от сына письмо, чему был несказанно рад, и я решаюсь послать вам запрос: живы ли? Отзовитесь, если можно. Пришлите письмецо самое короткое, сообщите, жива ли мама, как ваше материальное и служебное положение с работой, жива ли Вера и где учится? Лишнего, конечно, ничего не нужно. О себе также сообщаю пока кратко. Буду ждать радостной вести, что родной город еще не “за границей” и что вы все живы и здоровы, а там – что Бог даст! На всякий случай прошу вас быть как можно дальновидней и осмотрительней в настоящее время.

Горячо любящий вас церей Иаков Бойков».

Это было последнее письмо, которое получили родные. Положение в лагере во время войны становилось все тяжелее, заключенным запретили переписку, их почти не кормили, сил уже не доставало на то, чтобы выполнить норму, а таких заключенных совсем переставали кормить. Отец Иаков умер в лагере от голода 19 апреля 1943 года и был погребен в безвестной могиле.

Священномученик Иоанн (Бойков) родился в 1891 году в городе Бежецке и был старшим братом священномученика Иакова. В 1915 году он окончил Тверскую Духовную семинарию и поступил псаломщиком в собор в городе Осташкове. В 1917 году умер его отец священник, и родственники уговорили Ивана Яковлевича вернуться на родину в Бежецк, куда он приехал в 1918 году и устроился работать учителем. Но не по душе было религиозному молодому человеку преподавание в новой, враждебной православию школе. Он женился, оставил учительство и в 1921 году был рукоположен во священника ко храму села Залужанье Весьегонского уезда Тверской губернии. Здесь он служил до 1929 года. В это время началась коллективизация, и, как почти везде, началась она с закрытия храма. После того как храм был закрыт, жена священника Евфросиния Михайловна стала просить его, чтобы он не искал нового места и перестал служить; о том же просили и некоторые из крестьян, видя, что не сегодня-завтра священник может быть арестован. Они говорили ему:

*Иван Бойков.
Тверская Духовная семинария. 1915 год*

– Отец Иван, ведь уже и в Москве всё разрушают, храмы взрывают, оставь служение.

– Нет, я не изменник Богу. Море переплывешь – на берегу утонешь.

Но на всякий случай, чтобы из-за его священства власти не преследовали семью, он разрешил жене развестись.

В 1929 году отец Иоанн получил место священника в Воскресенской церкви на погосте Белом Молоковского района, а 1 ноября 1930 года перешел служить в храм села Бошарова Старицкого района Тверской области. Здесь в то время поселились монахини из многих закрытых монастырей и церковная служба правилась по-монастырски.

Время от времени отец Иоанн приезжал в Залужанье навестить семью и повидаться с прихожанами, которые искренне любили священника. Приезжать приходилось ночью, чтобы не навлечь беду на близких. Но все равно, часто случалось так, что соседи, которым ОГПУ поручило следить за домом священника, доносили о приезде отца Иоанна уполномоченному ОГПУ, тот посылал милиционера, который, приходя, спрашивал, здесь ли священник, и тут же уходил по хорошему отношению к священнику, не желая его арестовывать. Побывав дома и всех повывав, отец Иоанн также ночью уходил пешком в село, где служил.

ОГПУ все же решило арестовать священника, а вместе с ним и некоторых прихожан-крестьян, обвинив их в том, что они являются противниками создания колхозов, повсюду говорят против них и создали на этой почве целую группу, которую будто бы и возглавил священник Иоанн Бойков. Соседи в очередной раз донесли, что к жене и детям приехал священник, и на этот раз сотрудники ОГПУ уже сами арестовали его. Виновным себя отец Иоанн не признал. На допросах, отвечая на вопросы следователя, он показал: «В селе Залужанье я не стал служить с октября месяца 1929 года ввиду того, что церковь закрыли. Там я служил восемь лет. Особой дружбы мне с кем-либо вести не приходилось по той причине, что я глуховат, болезненный. В деревне Малые Дельки я знаю всех, так как эта деревня была прихода церкви села Залужанье. Знаю там Павлова Василия Павловича как живописца, так как последний лично мне писал икону и в церковь писал две иконы, затем золотил крест на колокольне. Кроме того, когда бывали в деревне Малые Дельки молебны и бывала плохая погода, приходилось останавливаться у Павлова, так как у него имеется навес и удобно ставить лошадь. Специально в гости к нему не ходил. Какой-либо помощи, советов я ему не давал и около года совершенно не виделся с ним. С момента моего отъезда в село Бошарово, то есть с 1 ноября 1930 года, я ни с одним прихожанином Залужанского прихода не виделся и никакой связи не имел как письменной, так же и живой. Приехал я в село Залужанье 11 марта и, так как в Бошарове уволился совсем, привез детям картофеля два узла и хотел на другой день ехать на Красный Холм в город Бежецк к преосвященному епископу Григорию* проситься куда-нибудь на службу в другой приход, но уехать не удалось, так как 12 марта был задержан на квартире у разведенной жены Постниковой. Больше по настоящему делу добавить ничего не могу».

Были арестованы и крестьяне, но ни один из них не признал себя виновным и не стал поддерживать выдумок следователя. Как раз именно в этом селе бедняки выступили против закулачивания, то есть записывания односельчан в кулаки и изъятия у них имущества, сумев доказать, что ни кулаками, ни «мироедками» они не являются. Тогда власти обложили «виновных» налогом и, поскольку налог был чрезмерно велик и не мог быть уплачен, потребовали уплатить штраф и за неуплату штрафа постановили изъять все имущество; однако председатель сельсовета не смог исполнить бессовестное решение. Теперь, когда

---

* Козыреву.

и священник, и крестьяне были арестованы, следовательно спросил председателя, почему он не произвел изъятия имущества у оштрафованных крестьян. «Я не выношу крика и плача детей, – ответил тот, – и поэтому отказался идти, но я не говорил другим членам сельсовета, чтобы и они не ходили, а почему и они не пошли, я не знаю».

Через месяц, 20 апреля 1931 года, тройка ОГПУ приговорила отца Иоанна к пяти годам исправительно-трудовых лагерей; вместе с ним были приговорены к различным срокам заключения и ссылки четверо крестьян.

После ареста священника у его жены Евфросинии отобрали дом в Залужанье и все, что в нем было, хотя дом был построен еще ее родителями, когда она вышла замуж за Ивана Яковлевича. Без дома и средств остались дочери отца Иоанна, Нина и Вера, которым было тогда восемь лет и четыре года. Власти отобрали всю одежду, у детей забрали игрушки, родным священника разрешили взять из дома только то, что они на себя успели надеть.

Незадолго до ареста отец Иоанн попросил свою мать, Александру Васильевну: «Мама, когда меня арестуют, не оставь моих детей, помоги им». Сестра отца Иоанна была против того, чтобы давать приют жене брата, потому, мол, что у Евфросинии Михайловны есть свои родственники, но Александра Васильевна настояла, и жена отца Иоанна с детьми поселилась в Бежецке в доме его матери. В доме в это время проживало много родственников, и семья арестованного священника поселилась на кухне. Поскольку Евфросиния Михайловна была лишена гражданских прав как жена священника, несмотря на то что была с мужем разведена, на работу ее никуда не принимали. И пришлось ей ходить по миру и побираться. Свое нищенство она от детей скрывала, чтобы те не переживали за нее и не стыдились; она никогда не ходила просить в храмы, так как это быстро дошло бы до родственников, а ходила по глухим и дальним деревням. Утром потихонечку собиралась и уходила, вечером приходила с тем, что через людей подавал Господь. Все, что ей удалось сохранить к тому времени из личных вещей, в первые же дни после ареста мужа было обменено на продовольствие. Но бесконечно так не могло продолжаться, и она поехала к своей сестре в Москву посоветоваться. Сестра ее приняла, но помочь ничем не смогла, да и принимала, как жену арестованного священника, тайно: только накормит – и все, на ночь никогда не оставляла, боялась, чтобы муж не узнал.

Однажды ехала к ней Евфросиния в Москву и всю дорогу горько плакала, глаза не просыхали от слез. И вот какой-то человек спросил ее:

– Да что вы плачете-то? Что у вас случилось?

– Да вот еду, еду, а сама не знаю, куда и как еду и на что и как мне жить.

И человек тогда ей сказал:

– Поезжайте в Иваново-Вознесенск, есть такой город – Иваново-Вознесенск. И там вас в правах восстановят. Устроитесь работать на комбинат и восстановитесь в правах.

Евфросиния ему сразу поверила и отправилась в Иваново-Вознесенск – поначалу одна, без детей. Приехала – чужой город, ни одного родного человека. Пришла она на меланжевый комбинат, и там ей кто-то сказал: «Идите по такому-то адресу. Там живет одинокая старушка, она вас пустит».

Это была одинокая старушка, девица, она сама и свой маленький домик построила, и дрова заготавливала, и все по дому сама делала. Постучалась к ней робко Евфросиния Михайловна.

– Кто, кто там? Кто ты? – спросила старушка.

– Да вот я... мне посоветовали.

Старушка, взглянув на пришедшую, сразу сказала:

– Проходи, проходи! Ты знаешь, какой мне сон сегодня приснился? Увидела я, как ко мне в окошко священник постучал. Проходи, проходи, матушка! И детей привози, устраивайся.

Съездила Евфросиния Михайловна за детьми, устроилась работать на меланжевый комбинат, на самую тяжелую, грязную работу, на которую никто не шел, – цеха убирать. Проработала она здесь один год и стала болеть, и ей сотрудники на комбинате посоветовали: хлопотчи, чтобы тебя восстановили в правах. Хлопоты увенчались успехом, ее восстановили в правах, она уехала в Бежецк и устроилась работать учительницей. Но проработала недолго: узнали, что она жена священника, и сразу уволили. И она пошла в другую школу, но здесь повторилось то же самое. В последний раз она устроилась в школу в селе Княжеве, где служил брат ее мужа отец Иаков. И здесь директор школы хотел не только уволить ее как жену священника, но стал добиваться, чтобы ОГПУ непременно арестовало ее. Все эти события и переживания привели к тому, что Евфросиния Михайловна тяжело заболела: у нее отнялись ноги, и врачи признали ее инвалидом. Александра Васильевна тогда сказала ей: «Фролушка! Не ходи больше работать. Не ходи. Ну их. Не ходи к ним больше работать». Это был 1937 год. О пенсии по инвалидности ей пришлось хлопотать долго, многократно она писала властям; однако пенсию ей дали самую незначительную, только чтобы хватило на хлеб, но с Божьей помощью она с детьми выжила.

Из лагеря отец Иоанн писал родным:

«9 ноября 1931 года.

Дорогая мама и все родные! Будьте здоровы и благополучны!

Спасибо Вам, дорогая мама, за письмо и открыточку, которые я получил. Открытка мною получена 27 октября н. ст., а письмо дня на три пораньше. Не получая долго от Вас писем, я думал, что Вы обо мне позабыли или не хотите мне написать. Спасибо Вам, что не оставили детей и позаботились о них. Напрасно Вы обо мне беспокоитесь. Я, слава Богу, доволен всем. Хлеба мне хватает, и вообще пайком и питанием я доволен и голоден не бываю. Здоровье мое пока, слава Богу, благополучно. Работать хожу по-прежнему на продовольственный склад. Работа не тяжелая. Теперь хожу на вечернюю смену с 4–5 вечера до 11–12 часов ночи. Заведующий складом человек хороший, старик-священник из Костромы. Вообще мне жаловаться ни на что не приходится, и я от Вас ничего не скрываю: жить, слава Богу, можно, а дальше что будет, не знаю. Я очень рад, что Фроня нашла место, – слава Богу, что обеспечила себя и детей куском хлеба. Получив Ваше письмо и узнав про семейные дела мои, я успокоился и поблагодарил Бога за то, что Он не оставил мое семейство без куска хлеба. О том, что Фроня будет себе искать место, я предполагал, а также твердо уверен в ее преданности мне и детям. Помогите ей Бог устроиться в дальнейшей жизни. Из-за квартиры положение тяжелое, но как-нибудь Господь поможет. Согласно приказу из ОГПУ, нам с августа месяца сего года производится зачет рабочих дней, лишенцам срок заключения в лагере сокращается на 1/5 часть, а нелишенцам – на 1/4, конечно, при условии хорошего поведения. Мне этим зачетом рабочих дней срок может сократиться на один год, а потом вот уже девятый месяц как сижу, а там будем ждать еще какой-нибудь от Бога милости.

Пока до свидания, желаю Вам здоровья и всякого благополучия, а родным всем посылаю свой привет.

Остаюсь любящий Вас сын, многогрешный иерей Иоанн Бойков

5 августа 1932 года.

Дорогая мама, сестра Нюта, Фроня, Нина, Вера, брат Яша и все родные!

Посылаю вам свой привет и желаю здоровья и всякого благополучия в жизни. Спасибо вам большое за заботу обо мне. Из одежды ничего не шейте и не присылайте, а также и валенки не нужны. Все с ног и до головы выдают казенное, а у меня, кроме того, есть еще ватное пальто и телогрейка. Красно-Вишерское п/о и Вишерское п/о для писем значения не имеет. Вишерский лагерь находится к нам ближе (от Чердыни сорок верст), чем те командировки, на которых я находился зимой. "Сыпучая" – на севере от Вишеры в семидесяти верстах. В деревню Сыпучую раньше съезжались вагулы, где покупали лошадей для жертвоприношений, – теперь боятся, не ездят. Уральский народ очень чистоплотный, но в обращении грубее нашего. Природа очень красивая. Теперь маленько напишу про себя. Я нахожусь еще в санатории. Туберкулез, повидимому, прошел. Ни кашля, ни боли в боках и в груди нет. Я теперь уже поправился, только силы не очень окрепли. Мама, обо мне не заботьтесь и не печальтесь, поберегите свое здоровье.

Остаюсь любящий вас сын, отец и брат иерей Иоанн Бойков

1933 года января 7 дня нового стиля.

Дорогие родные: мама, Фроня, Нина, Вера, сестра Нюта и брат Яша!

Поздравляю вас всех с праздником Рождества Христова и желаю вам здоровья, счастья и всякого благополучия. Из больницы меня 1 декабря доктор выписал, и поместили меня в 1-ю роту, в которой находятся выздоравливающие и отдыхающие, где я нахожусь и в настоящее время. Работать пока никуда не посылали, так как по выходе из больницы я поставлен в инвалиды, но только на один месяц. 1 января срок моей инвалидности истек, и меня 5-го числа января месяца вызывали на комиссию для определения моего здоровья и степени трудоспособности. Я на означенной комиссии был, а результат какой получился, еще не могу сказать. Вчера вечером ходил к нарядчику (нарядчик – это лицо в роте, которое наряжает на работу заключенных), но оказывается, что еще списки не получены. Здоровье мое теперь поправилось и силы окрепли. В роте, где я нахожусь, условия жизни хорошие. Питание удовлетворительное. Сухарей мне хватит надолго, деньжонки у меня тоже есть, на руках около десяти рублей. Поэтому обо мне не беспокойтесь: я, слава Богу, сыт и всем доволен. Дорогая Фроня, Нина и Вера! Немного места осталось, но напишу вам несколько строк. Написал бы вам много, но, согласно правилам, писанье мое ограничено этим листком бумаги. Во-первых, поздравляю дорогую дочку Нину с днем Ангела, а вас с дорогой именинницей. Дай Бог вам здоровья и всякого благополучия. Спасибо, Фроня, за письмецо, пишите мне и не забывайте меня. Береги Нину и Веру.

Адрес мой: город Красно-Вишерск Уральской области. УВИТЛ ОГПУ 1-я рота, з/к Бойкову Ивану Яковлевичу.

Пока до свидания.

8 февраля 1933 года.

Дорогая мама, Фроня, Нина, Вера, сестра Нюта и брат Яша!

Шлю вам свой привет и желаю вам от Бога здоровья, счастья и всякого благополучия в жизни. Что же касается меня, то я, слава Богу, жив, здоров и

благополучен. Живу еще по-прежнему без перемен. Помещаюсь в той же 1-й роте для отдыхающих. На работу еще не хожу, только недавно, так не более недели, стал дежурить в своей роте восемь часов в сутки. Питание, слава Богу, у нас в роте хорошее, то же, что писал вам в ранее посланных письмах. Только хлеба стали выдавать меньше: ранее давали 700 граммов, а теперь дают 500 граммов, убавили белого хлеба на 200 граммов. Но, слава Богу, мне хлеба хватает. Так что ваши сухарики, полученные мною в ноябре месяце, я почти не трогал. Поэтому пока мне ничего не посылайте – ни денег, ни сухарей. В прошлом письме за январь месяц я вам писал, что был на комиссии для определения здоровья моего; после этого недели через две всем инвалидам была еще комиссия, на которую меня тоже вызывали. На последней врачебной комиссии мне дали 3-ю трудовую категорию; 1-я категория означает хорошую трудоспособность, 2-я категория – трудоспособность менее сильную, 3-я категория – трудоспособность плохого качества, и наконец за 3-й категорией следуют инвалиды – негодные к труду. Значит, на тяжелую работу меня не пошлют теперь. Хотя на все воля Божия.

Шлю вам свой привет и пожелания от Господа Бога здоровья и всякого счастья и благополучия. Фроня! береги, пожалуйста, Нину и Веру, не обижай их. Вот уж два года прошло моей разлуки, и за это время Вера уже стала большая, а про Нину и говорить не приходится. Если, Господь даст, приду домой, мне их и не узнать, да и им меня тоже будет трудно узнать, так как меня остригли наголо и обрили. Здесь в лагере каждый месяц стригут и не позволяют отращивать волосы на голове и бороду всем вообще заключенным, за редкими исключениями. Я, слава Богу, жив и здоров, чего и всем вам желаю.

Адрес мой прежний, пока прощайте.

Остаюсь любящий вас иерей Иоанн Бойков

1933 года февраля 27 дня.

Здравствуйте дорогие родные: мама, Фроня, Нина, Вера, сестра Нюта и брат Яша!

Шлю я вам с любовью свой низкий привет и желаю вам от Господа Бога получить милости, здоровья и всякого благополучия в жизни. Дорогим дочкам Нине и Вере посылаю свое родительское благословение и желаю им расти здоровыми и молю Господа Бога, чтобы Он, Всемилосердный, даровал им счастье, здравие и всякое благополучие в жизни. Я пока, слава Богу, жив и благополучен, здоровье мое улучшилось. Из 1-й роты 14 февраля сего года меня перевели в 27-ю роту, на работу пока еще не хожу. Питание в 27-й роте поплоче, чем в 1-й, но, слава Богу, я доволен тем, что получаю. На завтрак здесь не дают ничего, но я, как болевший цингой, получаю утром винегрет. Обед из двух блюд: первое – щи или суп (постные), второе – немного картофеля и доля рыбы, на ужин дают суп или что-нибудь в этом роде. Хлеба дают только 550 граммов. Вообще в этой роте заключенные выздоравливающие, но еще не совсем поправившиеся, поэтому на работу не ходят и питанием по сравнению с другими заключенными пользуются более улучшенным, но, конечно, питание здесь не такое, как в 1-й роте, – там было лучше, чем здесь. Если можно, то пришлите мне сухариков и маленько яблоч сушеных; белых сухарей не надо, пришлите только черных, и сахару тоже не надо посылавать, денег не посылайте, их все равно не выдают. Хлеб здесь очень дорог. Сухарики, которые вы мне прислали в ноябре, я все берег и не трогал, а теперь, с переводом на другое питание, стал употреблять. Вообще, чего нельзя

достать и что сильно дефицитное из съестных продуктов, того не присылайте, а только пришлите черных сухариков.

Пишите мне, как ваше здоровье и как живете. Очень я забочусь, дорогая мама, о Вашем здоровье и молю Господа, чтобы Он, Всемилосердный, продлил Вашу жизнь и укрепил телесные силы Ваши. Обо мне не расстраивайтесь: я, слава Богу, сыт, нахожусь в благоприятных условиях. Может быть, по милости Божией, не отпустят ли даже домой. Погода здесь стоит очень холодная, морозы доходят до 50 градусов. Наверное, и у вас тоже не тепло.

Остаюсь любящий вас иерей Иоанн Бойков

Март 1933 года.

Христос воскрес!

Дорогие родные: мама, Фроня, Нина, Вера, брат Яша, сестра Нюта!

Поздравляю вас с праздником Светлого Христова Воскресения и желаю встретить и провести его в радости и душевном спокойствии, а также желаю вам здоровья и всех милостей от Господа Бога. Дорогих дочек Нину и Веру крепко целую, посылаю им свое благословение и желаю им счастья и радостей в жизни. Хотелось бы мне узнать, как вы все поживаете, все ли живы и здоровы и нет ли чего у вас нового в жизни. Но, к сожалению, писем от вас не получаю вот уже три месяца. Причиной этого обстоятельства является мой перевод из роты в роту; сначала я находился в 1-й отдыхающей роте, из 1-й меня перевели в 4-ю отдыхающую роту (а в 1-й роте устроили лазарет), из 4-й роты меня перевели 14 февраля в 27-ю нерабочую роту, где я находился до 22 марта, а потом меня отправили из Вишеры на этап в лагерьный пункт Суянково, отстоящий от Вишерска в пяти верстах, в настоящее время где я и помещаюсь. Пункт этот благоустроенный, есть много мастерских: сапожная, столярная, слесарная, кузнечная, портновская и кирпичный завод. Народ здесь находится не очень крепкого здоровья – 3-я категория и инвалиды. На тяжелую работу не посылают, а работа так называемая легкая и более по доброй воле, чем по принуждению. На работу меня еще до сих пор никуда не посылали, вот уже год прошло времени, как ничего не работаю, а теперь, слава Богу, я поправился, чувствую себя удовлетворительно, силы поокрепли, поэтому думаю встать на какую-нибудь работу, хотя в этом лагпункте принуждения нет на работу, но работающим оказывается предпочтение в смысле выдачи продовольственного пайка. Дают побольше хлеба (нерабочему – 400 граммов, а рабочему – 550 граммов) и кое-что из ларькового довольствия. В письме, посланном мною в феврале, я просил вас прислать мне черных сухарей. Если можно, то пришлите (белых сухарей не надо, одних черных), напрасно себя не изъяньте на дорогостоящие продукты, без них можно обойтись: не то теперь время, чтобы кушать булки да сахар, они стоят очень дорого. Еще напишу вам, что 2 марта я был на прокурорской (так называемой центральной) врачебной комиссии. Означенная комиссия была в 27-й нерабочей роте. Не пошлет ли Господь милость, может быть, отпустят меня. Инвалидов и вообще людей некрепкого здоровья отпускают из лагеря.

Остаюсь любящий вас иерей Иоанн Бойков

1933 года мая 30 дня.

Дорогие родные: мама, Фроня, Нина, Вера, брат Яша и сестра Нюта!

Будьте здоровы, благополучны и счастливы в жизни. Дорогим дочкам Нине и Вере посылаю свое родительское благословение и желаю по милости Божией

жить и расти здоровыми и благополучными в жизни. Про себя напишу вам, что мое здоровье по милости Божией поправилось и настолько улучшилось, что я чувствую себя не хуже, чем раньше. Я все еще нахожусь в Суянке, работать хожу каждый день, за исключением дней отдыха, которые бывают на седьмой день. Работаю теперь в лесу в качестве лесоруба (а раньше носил сучки и дрова). Работа не тяжелая. Нормы выработки нет, так что силы не изнуряются, а, напротив, поправляются, чему способствует чистый воздух соснового леса, солнце и тепло. Слава Богу, я сейчас пока очень доволен своим положением и благодарю Господа за Его прещедрые милости ко мне, грешному. В мае месяце питание мне было хорошее как лесорубу (считается тяжелая работа), выдавали усиленное питание: хлеба 750 граммов, обед и ужин тоже более, чем другим, а вот дня два тому назад хлеба убавили на 100 граммов: вместо 750 граммов, стали давать 650 граммов, но эта выдача теперь считается хорошая, большинство получает 550 граммов, а кто совсем не ходит на работу, тот получает только 400 граммов хлеба. Сухарики еще меня поддерживают, а также и сушеные яблочки очень хороши. Дорогая мама, если будете мне посылать посылку, то пришлите мне одних сухарей черных и ни на что другое себя больше не изъяньте, мне ничего больше не требуется. В апрельском письме я ошибочно написал вам посылать посылку мне в месяц раз – лучше всего в два месяца раз, а самое лучшее, пока я не напишу о необходимости посылки. И вот таким образом, если, дорогая мама, посылка Вами отправлена, то более ни брат, ни Вы, ни Фроня, одним словом, никто, не посылайте мне, пока я вам не напишу, что нуждаюсь в посылке. Спасибо вам, что вы меня не оставляете и заботитесь обо мне. За это и Господь вас не оставит. Желаю вам всех благ и милостей от Всещедрого Создателя и Защитника нашего Господа Бога, Которого прошу и молюсь о всех вас постоянно...

28 июля 1934 года.

Дорогая мама!

Я, слава Богу, жив и здоров, из Суянки меня отправили 25 июля на этап в Вишеру, а сейчас, 28 июля утром в пять часов, из Вишеры отправляют не знаю куда. Обо мне не беспокойтесь. Я здоров и благополучен. Привет всем родным. Где буду находиться, я напишу.

Бойков».

Хотя и успокаивал отец Иоанн своих родных, но здоровье его было подорвано, туберкулез давал о себе знать, и при тяжелой работе это оказалось смертельным. Вскоре после этого письма отец Иоанн скончался.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Апрель». Тверь. 2006. С. 48-77

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 3. Тверь, 1999. С. 103-129.